

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по науке и стратегическому развитию
ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова» /Бадмаева К.Е.

«05». 10. 2017 г.

ОТЗЫВ ВЕДУЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ

о диссертации Люлиной Анастасии Геннадьевны на тему «Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII — конец XVIII вв.)», представленной на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03. Всеобщая история (Средние века)

Диссертационная работа А.Г. Люлиной является логически структурированным, завершенным, оригинальным, обладающим практической значимостью научным исследованием, посвященным актуальной для исторической науки теме. Очевидно, что выбор темы был обусловлен необходимостью глубокого и объективного изучения истории взаимодействия Тибета и Китая, особенно в переломные периоды этой истории. Актуальность комплексного изучения особенностей взаимодействия тибетских институтов власти и системы администрирования династии Цин в период, важный для развития тибетского государства (середина XVII – конец XVIII вв.), является очевидной. В это время актуализировались идеологемы легитимации верховной власти (религиозной и светской), что вызывает необходимость научного осмысления сложных процессов, происходивших в отношениях между Тибетом и Китаем и изучения специфики роли административно-управленческих институтов. В этот период, в связи с ростом роли монгольских народов в делах Тибета и тибетского буддизма, важным влиянием обладал особенный конструкт «учитель – ученик» в контексте формулы «лама – наставник – покровитель – милостынедатель», который оказался востребован и во взаимоотношениях Тибета с Китаем.

Уникальность ситуации заключалась в том, что формирование институтов власти в Тибете (с 1642 г.) шло практически одновременно с таким

же процессом в Китае, где укрепляла свои позиции маньчжурская династия Цин (с 1644 г.). Еще одной особенной чертой было то, что лидеры маньчжуров являлись буддистами, которые в целом сохранили административную систему, существовавшую в Китае при предыдущей династии Мин, т.е. имевшую в своих основаниях положения конфуцианства.

В середине XVII в. тибетские институты власти входили в состав Ганден Пходранга - буддийского правительства (ведомства судопроизводства, религиозных дел, финансов и др.), деятельность которого исходила из дуальной концепции равного взаимодействия духовной и светской властей. Позже развитие тибетской администрации наряду с сохранением и развитием собственно тибетских властных институтов шло под определенным влиянием цинских управленческих структур, и именно это влияние и взаимодействие духовной и светской власти представляет интерес для изучения. Открывается возможность понять не только специфику выстраивания отношений между Лхасой и Пекином, но и их дальнейшее взаимодействие, актуализацию тех или иных парадигм и принципов, что в итоге сказалось на степени вовлеченности цинской административной системы в деятельность тибетских институтов власти, а позже и на событиях начала XX в., обусловивших возникновение «тибетской проблемы». С учетом обстоятельства, что в течение первой половины XVII в. ойратский этнос, часть которого – хошуты - оказал большое влияние на установление власти Далай-ламы в Тибете, входил в состав российского государства, настоящее исследование имеет важное значение и для уточнения истории религии у народов, живущих в составе России, в частности, у калмыков.

Научная новизна диссертационного исследования обеспечивается целым рядом параметров. Во-первых, впервые в отечественной и зарубежной исторической науке с привлечением большого числа источников и литературы проведено всестороннее исследование особенностей взаимодействия тибетских институтов власти и цинской системы администрирования в период с середины XVII до конца XVIII в. Люлиной А.Г. проанализированы

исторические предпосылки, обусловившие приход к власти в Тибете Далай-ламы и формирование местных властных институтов, оценены влияние политических, религиозных и иных обстоятельств, обусловивших взаимный интерес руководства Тибета и Китая друг к другу, дана оценка причинам и условиям возрастания влияния цинской административной системы на тибетские институты власти.

Во-вторых, в диссертации детально рассмотрены специфические буддийские (чой-йон) и конфуцианские (китаецентризм) подходы и концепции в отношении управления и взаимодействия, что оказало значительное влияние на решения цинских императоров в отношении Далай-ламы и тибетской системы управления в целом. Принципиально важным является выделение института тулку (инкарнации) как сущностной для тибетских институтов власти, и изучение политики цинского двора в отношении высших тулку (Далай-лама, Панчен-лама, регенты). Такой угол зрения только в последнее десятилетие начинает развиваться в тибетологии, и работа А.Г. Люлиной вносит новые важные уточнения во вновь разрабатываемые подходы.

В-третьих, автором диссертации проанализированы события, обусловившие переход Тибета из статуса «патронажа» в статус «протектората». Появление же такой уникальной процедуры как жеребьевка из Золотой вазы рассматривается как акт, логически следовавший из хода взаимодействия лидеров Тибета и Пекина, когда последний искал средство контроля над системой тулку.

Диссертационное исследование А.Г. Люлиной проведено на базе обширной источниковой базы. Работа написана с учетом достижений российской востоковедной науки, а кроме этого, А.Г. Люлина привлекла значительное число источников и исследовательских трудов на китайском и английском языках, что существенно подкрепляет аргументированность и достоверность полученных результатов. Следует отметить знание и использование автором диссертации недавно опубликованных работ, а также

выделение специфики источников на китайском языке.

Структура и хронологические рамки диссертационного исследования продуманны и логичны, соответствуют цели и задачам диссертации.

Во Введении обосновывается актуальность избранной темы, формулируются цель и задачи исследования, дан обзор источников и анализ имеющейся по теме исследования литературы, отмечена научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Структура основной части в логичной последовательности излагает материал в соответствии с задачами, вытекающими из цели исследования.

В первой главе «Тибето-китайские отношения в начале правления династии Цин» автор диссертации рассматривает уровень отношений (принцип) «чой-йон», установившийся между правителями монгольской династии Юань и иерархами тибетской школы Сакья, и отмечает, что этот принцип, заключавший в себе множество смыслов, был основным для базиса взаимоотношений между тибетскими лидерами и их внешними союзниками (с. 48). А.Г. Люлина последовательно анализирует основные события и процессы, связанные с Третьим, Четвертым и Пятым Далай-ламами. Логичным представляется ее вывод об определенном совпадении китайской внешнеполитической концепции «хуа – и» с принципом «чой-йон», и что положение Тибета и Далай-ламы в изучаемый период отличалось от положения обычного данника Китайской империи (с.53).

Существенным и уместным для диссертации представляется п. 1.2. «Монастыри Гелуг и монашество», поскольку правительство Ганден Пходранг формировалось на основе существовавших монастырских систем управления. Кроме этого, именно в специфике взаимодействия монастырей Гелуг следует видеть одну из причин, повлиявших на образование особенных контактов между Далай-ламами и Панчен-ламами. Оценка автором таких тибетских институтов, как «цокчэн-шамо», «дэсрид», «дэси» (регент), подкрепляется документами и фактами, в том числе ссылкой на три основных документа от 1643 г., 1653 г. и 1681 г. (с.60). Затем диссертант переходит к изучению

активности «буддийского правительства» в отношениях между Тибетом, Монголией и Китаем (с. 61-62).

Важным является вывод автора о том, что принцип «чой-йон» был реализован в отношениях Лхасы и Пекина по линии «буддийская этика – китайская политика», а проблема соотношения идеи «буддийского правительства» (религиозная и светская власть – в одном лице) с конфуцианскими постулатами цинского двора (главенство светской власти императора) компенсировалась восприятием императора в качестве эманации бодхисаттвы Манджушри и Далай-ламы как эманации бодхисаттвы Авалокитешвары (с. 63). Неизбежное столкновение двух систем и понятий (буддийской этики наставничества и китайской конфуцианской дипломатической теории) определило первостепенные интересы маньчжурских правителей Китая, поскольку буддийская традиция взаимоотношений «учитель-ученик», буддийская этика в целом, отвечали политическим целям и задачам Цин, то цинские императоры вначале показали свой интерес именно к распространению буддизма, а не к административному подчинению окраин, в том числе и Тибета.

Автор исследования верно констатирует, что отношения между Далай-ламой и цинским императором отличались от отношений между Сакья и монгольскими императорами Юань (XIII-XIV вв.): если ранее лама был «учителем» императора и наставником учения во всем государстве, то при Цинах первое фактически отсутствовало, более того - подчеркивалось, что «цинская династия – это главная власть» (с.74).

Во второй главе «Политические институты Цин по урегулированию дел в Тибете: причины создания и особенности функционирования» диссертант анализирует ситуацию в Тибете после смерти Пятого Далай-ламы: время правления дэсрида Сангье Гьяцо и нахождения инкарнации – Цаньян Гьяцо. Это был действительно важный и сложный период, поскольку последовавшие после смерти Цаньяна Гьяцо (1706) столкновения между хошутами (ханом Лхавсаном и кукунорскими правителями), а затем и оккупация Лхасы

джунгарами (1717-1719), показали слабость тибетских институтов власти. Еще в 1709 г. император направил в Лхасу шилана Хэшоу для «управления» тибетскими делами, и в последующем конфликте «император действовал... как мудрый правитель-Чакравартин, воплощение бодхисаттвы Манджушри, стремившийся... восстановить справедливость» (с.93).

Автор отмечает, что ситуация в Тибете после изгнания джунгар и воцарения Седьмого Далай-ламы (1708-1757) была не проста, и для императора требовался решительный и процинский правитель. Решение же создать совет министров (Кашаг) и упразднить регентство (дэсрид) напрямую вело к повышению влияния цинской административной системы в Тибете, что особенно ярко проявилось при подавлении мятежа кукунорских хошутов в 1723 г. и включении части земель Амдо и Кхама (северный и северо-восточный Тибет) в состав империи.

А.Г. Люлина приходит к выводу, что император Юнчжэн, все более проникая в систему власти в Тибете, стал ограничивать политическую роль Далай-ламы, передавая власть Кашагу. Неудивительно, что и отношения «чой-йон» не были восстановлены на уровне, бывшем при Пятом Далай-ламе, хотя союз «наставник – покровитель» не перестал существовать (с.104); напротив, окрепли отношения между императором и Панчен-ламой V Лобсанг Еше (1663-1737). Именно к этому периоду относится важное нововведение – «учреждение новой уникальной управленческой структуры – правительства Панчен-ламы Панчен-лабранг», которое также было под надзором амбаней и по своему устройству копировало структуру Гандэн Пходранга (с. 106).

Безусловной заслугой диссертанта является достаточно подробный анализ состава и деятельности Кашага (светская ветвь правительства), состоявшего из пяти министерств: судебное, военное, финансовое, образования, иностранных дел (с.114-118). Автор также особо выделяет высший орган духовной власти – секретариат Йикцанг (духовная ветвь правительства), состоявший из четырех монахов четвертого ранга,

Ассамблею Цонду - законодательную инстанцию и нового регента – Гьялцаба из числа инкарнаций высших лам четырех монастырей (с.116-117). В регионах правители назначались с ведома Далай-ламы. Поскольку указанные основные институты власти были еще при Пятом Далай-ламе, то диссертант заключает, что Кашаг – это не цинский институт (с.119).

В целом же следует согласиться с мнением А.Г. Люлиной, что «цинская система администрирования в тибетских институтах власти определялась обязанностями амбаней, которые возглавляли правительство совместно с Далай-ламой» (с. 122).

Третья глава «Отношения между Тибетом и Цин в конце XVIII в.: от патронажа к протекторату» посвящена событиям тибетской истории второй половины XVIII в., вызвавшим появление новых законодательных актов – «Лифаньюань цзэли» и «Тибетское уложение из 29 статей», внесших перемены в институт идентификации высших тулку, изменение статуса Тибета и Далай-ламы в цинской системе управления.

Политическая активность Седьмого Далай-ламы и последующего Восьмого Далай-ламы (1762-1804) не была высокой, что и привело к повышению роли регентов-тулку и Панчен-ламы. Вывод о потере Лхасой одной «из главных внешнеполитических функций ... (умиротворение монголов)» (с.129) аргументируется соответствующими историческими событиями: разгром Джунгарии в 1758 г., возврат торгутов из России в Китай в 1771 г., что привело к объединению всех монгольских племен в составе Китая. Диссертант, несомненно, прав, указывая, что последовавшая вскоре непало-тибетская война 1788-1792 гг. нанесла значительный удар по авторитету тибетских институтов власти, показав их неэффективность. В этих условиях император Цяньлун принял решение оказать Тибету военную помощь, руководствуясь принципом «чой-йон», как о том и просил Восьмой Далай-лама. Это событие позволило Цинам усилить свою вовлеченность в дела Тибета и фактически включить все его институты в свою административную систему. В этой связи следует отметить заслугу

диссертанта, внимательно изучившего источник «Циньдин коэрка цзилюэ» с точки зрения степени и значимости влияния Пекина на положение дел в Тибете – он не был частью Китая, хотя и был данником.

Далее диссертант А.Г. Люлина, исследуя «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете из 29 статей», раскрывает суть преобразований империи в управленческой системе Тибета: были расширены полномочия амбаней и введено новшество – жеребьевка тулку из Золотой вазы. Автор анализирует решения императора в отношении ядра всей тибетской религиозно-административной системы – института инкарнаций (тулку), заключающиеся в установлении контроля над процедурой поиска и идентификации регентов-тулку и определении тулку при наличии нескольких кандидатов. Диссертант приходит к выводу, что законодательные акты императора «вводили этот религиозный ритуал в сферу публичного права Китая» (с.137).

Автор исследования пишет, что цинские власти объясняли свое руководство делами Тибета необходимостью поддерживать мир среди данников и «варваров», исходя из мироустроительной концепции – благодатной силы «дэ» и грозной силы «вэй» императорской власти. Анализ административной вовлеченности Пекина во властные институты Тибета позволяет автору прийти к выводу, что «характер китайско-тибетских связей времен Цин говорит о существовании патронажа Китая над Тибетом и тибетским буддизмом, который после реформ Цяньлуна перерос в практически полную зависимость от империи» (с.144).

Далее автор суммирует основные институциональные проявления цинского административно-политического присутствия в Тибете: институт амбаней, военные гарнизоны, почтовая служба, правовые акты, система жеребьевки из Золотой вазы, и указывает, что специфическая система взаимодействия между основными представителями властных систем Тибета и Китая – Далай-ламой и императором – просуществовала до начала XX в.

В заключительном параграфе третьей главы «Статус Далай-ламы в

цинской системе администрирования в конце XVIII в.» диссертант анализирует надпись императора Цяньлуна на стеле в Юнхэгуэ – «Ламашо» (1792 г.), где он утверждает главенство власти императора перед духовным наставничеством Далай-ламы. Далай-лама становился Учителем государства, которое олицетворяло императора, тогда как прежде (при династиях Юань и Мин) лама был Учителем императора. Именно государство через свою административную систему (и император – как ключевой институт) покровительствовало Далай-ламе и соответственно контролировало линии тулку и в целом все институты тибетской властной системы.

В результате проведенного исследования А.Г. Люлиной получены результаты, которые выносятся на защиту. Выводы диссертанта достоверны, обоснованны и самостоятельны, дают адекватную реконструкцию эволюции тибетских институтов власти через анализ их становления и взаимодействия с цинской административной системой. Результаты, полученные исследователем, несомненно, имеют важное теоретическое и практическое значение, могут быть применены в дальнейшей работе по изучению вопросов, касающихся административного взаимодействия тибетских и китайских институтов власти, истории тибето-китайских отношений, ситуации в связи с «тибетской проблемой», изучения принципиальных концептов религиозной идентичности в средние века, а также по другим вопросам, имеющим отношение к истории Тибета. Приведенные в диссертации данные и информация из малоизвестных источников и научных изысканий зарубежных (прежде всего китайских) ученых, использованные методы и апробированные гипотезы могут быть взяты на вооружение историками. Материалы диссертационного исследования обладают практической значимостью, могут быть использованы в качестве основы для разработки курса лекций в высших учебных заведениях по таким направлениям подготовки как «Зарубежное регионоведение», «История», «Международные отношения».

В целом, диссертационное исследование А.Г. Люлиной выполнено на достаточно высоком научном уровне и содержит обоснованные выводы.

Вместе с тем следует высказать некоторые замечания:

1. В ссылке 134 на с. 51 диссертации указано, что хошуты до переселения на Кукунор жили в Джунгарии – это не вполне корректно, т.к. в то время Джунгарии еще не было, она появилась практически одновременно с Хошутским ханством у Кукунора. Правильно будет указать, что хошуты жили на территории Восточного Туркестана, где чуть позже появится Джунгарское ханство.

2. На с. 63 диссертации автор пишет, что в Тибете были «хошутский... и джунгарский протектораты», что является спорным утверждением. Нет доказательств о джунгарском протекторате, и это понятие применимо лишь к хошутам и Цинам. В отношении джунгар более подходит понятие патронажа, поскольку они формально заявляли о покровительстве над школой Гелуг.

3. На с. 10 и еще в ряде мест диссертации (например, с. 66, 134, 138) используются понятия со словом «ламаизм» («ламаистская церковь», «ламаистское духовенство»), что представляется некорректным, поскольку в современной исторической науке, как правило, принято писать «тибетский буддизм» (это понятие также используется в работе). Кроме этого, церковь, как институт и понятие, относится к западной (христианской) цивилизации.

4. В тексте имеются небольшие технические погрешности: есть разные варианты написания таких названий и имен, как Манджушри (Маньчжушри), Цяньлун (Цянлун), Гандэн (Ганден).

Высказанные замечания не умаляют достоинств диссертационного исследования А.Г. Люлиной. Они носят скорее рекомендательный характер для дальнейшей научной работы соискателя, определяя возможные перспективы, и, безусловно, не снижают значения проделанной работы и ее высокой оценки.

Автореферат соответствует содержанию диссертации, основные идеи которой изложены в публикациях автора, в том числе в трех статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК РФ в качестве рецензируемых для защиты кандидатских и докторских диссертаций (Вестник

